

рожного пути Петроград—Калькута. В масштабах уже лежавшего в этом направлении железно-дорожного пути недостающий кусочек от последней русской станции в Куске через Афганистан до первой английской станции в Индии Pethavaга был ничтожен. Препятствием к соединению были соображения исключительно политические. Коренная перемена политической обстановки после войны и революции совсем не сняла вопрос в его сути с повестки дня. Дело ведь не в Петрограде, а в идее установления прямого железно-дорожного сообщения между западно-европейскими центрами и Индией; идея в том, чтоб человечество смогло бы располагать таким же высоко совершенным средством сообщения, каким, напр., располагали на днях японские представители, отправившись в салон-вагоне из Владивостока в Париж на заседание экспертов по репарационному вопросу. Политическая обстановка теперь, конечно, еще более неблагоприятна для осуществления проекта. Но данный момент не может длиться долго. С того ли, или иного направления, через ту или иную пограничную станцию, но железно-дорожное сообщение между Европой и Индией осуществиться рано или поздно должно. А как ни вести эту линию — не через Казачьи Земли путь пройти не может. Пусть через Оренбург, через Ростов — все равно, но миновать их нельзя. И когда то на маленькой дощечке прямых вагонов, идущих из западной Европы

в Индию, в числе промежуточных станций будет означен и Оренбург, или Ростов — казачий город в Казачьих Землях!

Таково географическое положение Казачьих Земель по отношению к мировому транспорту.

Мы не хотим наш скромный очерк о географическом положении Казачьих Земель кончать постановкой еще несуществующей вехи: мечтой о прямых вагонах Париж—Индия, проходящих через Казачьи Земли. Мы поставим точку на последней блестящей, по реальности из области средств сообщения: прямом телеграфном проводе Лондон—Индия, идущем через Екатеринодар. Почта, телеграф и телефон своими тонкими стальными сетями оплели весь мир, составляя неотделимое частное целое человеческого культуры и цивилизации. За этими тонкими проводами гонятся все, наперерыв спеша прокладывать прямые провода и кабели во все центральные точки цивилизации. Каждый новый провод становится и корнем, укрепляющим хозяйственную жизнь окружающего района, и вервом прогресса для живущего в нем населения. Когда Казачьи Земли проснутся и сбросят с себя красное ярмо, казачкам не надо будет посылать в пространство волны: „Всемир! Всемир! Всемир!“ Благозвезд, вселяющий полную жизнь, прозвучит одновременно и в Европу и в Азию...

Таковы некоторые данные географического положения Казачьих Земель.

.....

Санжа Балыков.

Попытки национального объединения Калмыцкого народа.

К концу лета 1917 года, когда революция стала превращаться в разрушительную Всероссийскую анархию, для малых национальностей б. России настали тревожные, жуткие дни.

Им пришлось беспокоиться не только за свои права, но и за свою физическую целостность, за свое добро, домашний очаг, ибо волны разнузданного, вооруженного, многомиллионного, забунтовавшегося русского крестьянско-солдатского моря грозили захлестнуть все.

Калмыцкому народу, разбросанному среди этого моря и, в частности, на той части б. Российской территории, где назревали особенно кровавые события, приходилось спешно искать путей спасения, дружественной опоры.

Вот тогда-то и возник впервые вопрос о территориальном и национальном объединении калмыцкого народа.

К чести тогдашних калмыцких общественных деятелей больших расхождений у них по этому вопросу не было.

Все находили, как и теперь находят, что для национального возрождения и прочного экономического благосостояния калмыцкого народа необходимо объединение его разрозненных частей.

Разногласия начались, отчасти продолжается и теперь, по вопросу о способах осуществления этой задачи.

В те дни, вопрос этот остро касался калмыков Астраханских и Ставропольских преимущественно, так как калмыки Донские чувствовали свое положение устойчивым, менее уязвимым постольку, поскольку казалось таковыми коллѳажие и бытие Казачества вообще.

Астраханские и Ставропольские калмыки, привлекаемые хорошим экономическим и правовым положением Донских своих собратьев, явно тяготели в сторону разрешения своего национального вопроса слиянием с последними, путем перехода в Донское Казачество. Донские же калмыки к такому стремлению своих собратьев относились сочувственно, но в общем держались осторожно, так как некоторые его политические деятели выражали опасение о возможности хорошего решения при этом земельного вопроса.

Наконец, осенью 1917 г., прибыла на Донской Войсковой Круг делегация от указанных групп калмыков с целью выяснения отношения Круга к вопросу о при-

соединении к войску Астраханских и Ставропольских калмыков.

Круг выявил положительное отношение к этому вопросу.

Таким образом, дело оставалось за окончательными шагами со стороны самих Астраханских и Ставропольских калмыков.

Но, к сожалению, эти правильно начатые, подсказанные здравым инстинктом народа, шаги не были доведены до естественного и логического конца так как у большинства тогдашних политических руководителей Астраханцев и Ставропольцев, к этому времени, возникло другое решение задачи, иной подход к делу: им захотелось войти в состав малочисленного Астраханского казачьего войска.

Произошло глухое столкновение мнений массы и верхов. Последние одержали победу и осенью 1917 года калмыцкие племена сделались Астраханскими казаками.

Наиболее известные и выдающиеся общественные деятели этих калмыцких племен или группы на паритетных началах вошли в состав Астраханского войскового правительствa, другие получили высокие посты, но малочисленное Астраханское казачество никакого влияния на калмыков в смысле их организационного обновления и духовного оказачивания не оказало и не могло оказать.

Таким образом, наши Астраханцы и Ставропольцы сделались казаками только по имени.

Кроме этого, имело значение и недостаточность времени для организационной работы и, главным образом, отсутствие в Астраханском войске родного, калмыцкого казачьего ядра, мостика для морально-бытового слияния их с казачьей семьей, каковыми факторами, с безусловным успехом, могли явиться Донские калмыки-казаки, в случае присоединения Астраханцев и Ставропольцев к Войску Донскому.

Поэтому, не будучи хорошо и крепко организованными, в затянувшейся борьбе Казачества с большевиками, на чашу весов первого, Астраханские и Ставропольские калмыки мало чего сумели прибавить, несмотря на свое значительное число и полную неадаптированность ко вторым.

Они не умели так щепетильно и отплачивать своим пришедшим-завоевателям, как малочисленные Донские калмыки.

Празда, за свою смелость, непокорный и независимый дух — последние в результате больше заплатились, и теперь и некоторые дербеты в своей молчаливой покорности и неспособности к сопротивлению видят прозорливую мудрость, а в борьбе бузавов ошибку, но... тут, по моему, дело — в различном понимании вопроса о необходимости или ненужности сопротивления злу, или даже в различном понимании национального достоинства.

Волонье терпение при унижении и оскорблении национальной чести, религии, при насилие своих жён, сестер и матерей — едва ли свидетельствует о достойном подражании высокому моральному уровню персонального или массового духа.

Я не говорю, что случаи насилия со стороны окрестных им пришлых крестьян не было у Донских калмыков. Были. Но зато и мы не остались в долгу... На то шла борьба.

Если бы все калмыки, поняв опасность, одновременно объединились бы, то может быть, нам удалось бы, лучше защитить себя, не говоря о других положительных результатах национального объединения.

Вот почему я считаю, что сливаясь с Астраханским казачеством, общественные деятели Астраханских и Ставропольских калмыков совершили ошибку, уклонившись от первоначальной цели, которая называла движение к оказачиванию калмыков.

Ибо первоначальная цель была не только в том, чтобы сделаться казаками, но и объединение в одну группу всех калмыцких племен.

Об этом не должны были бы забывать вожди Астраханских и Ставропольских калмыков.

Правда, уже в 1919 году на Кубани и в Крыму некоторые вожди поняли свою ошибку и опять начали переговоры с членами Донского Круга о присоединении своего народа к Донскому Войску, но последовавшие события не дали вылиться во что-либо конкретное этим намерениям.

Понятно, что и при большевиках оставшаяся часть калмыцкой интеллигенции сделала попытку к разрешению той же важной, исторической национальной проблемы и сумела добиться разрешения на административное и территориальное объединение калмыцких племен в виде Калмыцкой Автономной Области.

Казалось, что чаяния Калмыцкого народа достигнуты, что большой национальный вопрос, служивший предметом многих и серьезных споров, наконец, благополучно разрешен... Но, оказалось не так.

Вопрос был разрешен неправильно, болезненно.

В результате этого, теперешнее положение калмыков, по крайней мере Донских, далеко хуже прежнего.

Тут винить приходится прежде всего самих наших подблюдивших деятелей, вздумавших объединить свой народ механическим способом, путем принудительного переселения Донских и некоторых других калмыцких племен к Ставропольским калмыкам на их маленькую земельную площадку, в значительной части занятую русскими.

Во первых нельзя было такой щекотливый вопрос решать удиром с плеча.

Одно то, что Донские калмыки, в полной мере сознательно относящиеся к своей судьбе, на четырех национальных съездах не могли решить его и только на пятом съезде, под сильным давлением специально для этого прибывших большевистствующих двух дербетских деятелей Сайкова и Чапцаева, большинством только одного голоса выразили принципиальное согласие на переселение, должно было надумать этих главарей отнестись более осторожно к этому делу.

Для такого важного решения действительно нужно быть до мозга зараженными большевистской бестолковщиной и их равнодушием к испытаниям народным, ради всяких опытов. Результатом такого деяния было то, что переселялись в "Автообласть" только часть Донских калмыков, видимо, соблазненная обещаниями "льготами", в виде освобождения на три года от налогов, предоставления строевого материала и т. д.

Могло иметь место и то, что многие из переселяющихся хотели "вслужить" репутацию политически

"благонадежных", так как отношение Донских калмыков к советской власти не было для нее секретом.

Но и эти переселившиеся очень скоро разочаровались и раскаиваются в совершенном, так как никаких материальных выгод не получили, а в моральном отношении кое-что потеряли, ибо калмыцкий ЦИК спиредствует не хуже московского.

Остальная, большая часть Донских калмыков, вдрева относясь к вопросу, видя такое его решение, отказалась от перекочевки из Сальского округа в Большедербетовский улус К.А.О. и, несмотря на то, что их со всех сторон шведняют пришлые крестьяне, оседая на их землях, осталась на месте.

Не удалось сдвинуть с места и часть калмыков из под Шарипына.

Таким образом, никакого объединения на деле нет.

Национальный "автономный" центр есть, но калмыки все еще продолжают быть в рассеянии. Мы не так многочисленны, чтобы не придавать значения десяткам тысяч калмыков, не вошедшим в состав Калмыцкой Автономной Области.

Кроме всего этого, одним из немаловажных последствий такого "собрания народа" является то, что население Автообласти так скато на небольшой территории Большедербетовского улуса, что наделы земли малы не только для скотоводческого хозяйства, но и для земледелия. Население, между тем, растет и будет расти, а запаса земельного, видимо, нет.

Нельзя думать, что такое положение останется без изменения на все время, пока над нами, калмыками и некалмыками, будет существовать советская власть.

Но, в видах могущих и должных произойти там перемен, нам, калмыкам, нужно иметь готовое решение по своему национальному вопросу, чтобы в нужный момент быстро и без споров направить наши усилия к приемлемому для всех разрешению.

Всего-то раздетым попытка калмыцкой подсоветской интеллигенции к национальному объединению своего народа, так сильно пострадавшего в событиях последних лет.

Я повторяю, что не следовало поднимать с места Донских калмыков, наиболее крепко сидевших на хорошей земле. Много целесообразнее было бы попытаться выселить охотников калмыков из других областей по станицам Донских калмыков, где было много не только свободной земли, но и свободных построек, жилых помещений, лишившихся своих владельцев; были целые пустующие хутора, которые заняты теперь пришлыми мужиками. Астраханские калмыки, например, как не совсем перешедшие к оседлой жизни и кочевывшие на негодных к возделыванию землях, пожалуй, могли бы согласиться на такое переселение. Этим путем можно было предотвратить наплыв в Сальский округ русских переселенцев и создать живые, реальные основания для действительного национального объединения Калмыцкого народа.

Площадь Донских калмыцких станиц, будучи пригодной для земледелия и скотоводства, была бы достаточной и в смысле паевых наделов, и тогда не было бы надобности в насильственном переселении Донских калмыков, которые по тем или иным соображениям упорно желали сидеть на старых местах. При указанном разрешении вопроса все калмыки легко могли бы или влиться в состав Донского казачества, в семье которого нам всегда была бы обеспечена сносная жизнь, или в составе Калмыцкой Автономной Области, гранича с ними; в лице его мы имели бы верных союзников, добрых соседей-друзей.

В последнем случае получалась бы единая калмыцкая семья, и состав коей вошел бы не раздробленный, обессиленный количественно и морально, а цельный, сплоченный духом и телом, здоровый хозяйственно, крепкий своими подпочвенными корнями Калмыцкий народ на Дону, сала духа, военная доблесть которого служила бы в то же время обеспечением принятого решения.

При здоровом решении вопроса национального объединения, Донские калмыки не получили бы новых, ненужных, лишних ран, разорений, и между нами, Донцами, и нашими братьями, Астраханцами, и Ставро-

польцами, не было бы вредных грений, горьких воспоминаний. Сожалея, что самый удобный момент для такого разрешения вопроса упущен, не нужно забывать о таковой постановке его в будущем.

Но рядом с естественным и справедливым вопросом объединения всех калмыцких племен на юго-востоке б. Российской империи в виде отдельного государственного образования, мы не упускаем из виду и возможную совместную жизнь и сотрудничество Донских калмыков (бузавов) с Донским казачеством, если на это последует обоюдное желание.

Мы не можем предвидеть всей игры истории в будущем; мы не можем сейчас ни исключить, ни отвергнуть в будущем постоянное сосуществование бузавов в семье Донского казачества.

Нет сомнения, что нам, калмыкам, по нашей сравнительной малочисленности, трудно будет осуществлять идею национального возрождения, но, однако, вся наша двухсотлетняя история совместной жизни и борьбы

вместе с Казачеством дает нам, казакам-калмыкам, полную уверенность в том, что в его семье мы найдем бескорыстных друзей и в вопросе нашего национального возрождения.

Конечно, для тех калмыков, которые любят говорить, что „неумолимая история поставила над Казачеством свой суровый приговор“ и что будто существующее в теперешней России положение „незыблемо“, эта статья покажется только „поклонением мертвым фетишам“.

Я же пишу это, веря, что коммунистическая власть в СССР не долговечна и что Казачество сумеет еще проявить волю к жизни, а с ним и мы — калмыки.

Если история однажды и вынесла неблагоприятный для нас, калмыков, приговор, то в будущем она может (а мы верим, что так будет) закрепить на своих страницах и другой факт: возрождение и процветание Вольного Казачества в семье свободных народов на Востоке Европы.

Вл. Кургин.

Моя первая встреча с Федором Андреевичем.

Было это и недавно и давно. Для меня, приближающегося к сороковому, это было давно — в детстве. Для Федора Андреевича это было „недавно“, так как и тогда он уже был „дід“.

Кончил я станичное 2-х классное училище с „отличием“. Учитель, бывало, часто советовал моему отцу послать меня в гимназию... но, как, куда?.. До какой хочешь гимназии, хоть 300 лет скачи, не доскачешь!.. Да и у отца поважнее дела были: снаряжение и отправка на службу старших. А жили не ахти как: и дома вечный „недохват“, а ртов много. Дед вечно ворчал и конец света предсказывал:

... Землю, вишь, на нас поделили!..

Старшие братья об Уссурийском крае мечтали. (Тогда вообще много об Уссуре говорилось). Тесно, мол, на Кубани стало. С каждым днем все новые и новые расейцы внедряются... Так подальше на свободу!

А у меня голова ходуном ходила от дедушкиных рассказов про былое, про вольно-казачье житье-бытье, сплетавшееся в моем воображении с чудесной жизнью героев Майн-Рида, Купера, Хаггарда...

Ну, и договорились мы со старшим братом: поеду, мол, пока я сам в Уссурийский край, на „разведку“. А потом уж и братья... Лозку провели свой план. Отцу сказала, что я еду „гимназию искать“. И, если поступлю — напишу, а не поступлю — вернусь... А „план“ сам по себе был весьма простой: приеду в Новороссийск, поступлю на пароход Добровольного Флота, совершающий рейсы между Новороссийском и Владивостоком, вот и Уссуре!..

Сказано, сделано. И вот я в поезде. Стою у окна и, не отрываясь, смотрю на бегущие навстречу хутора и станицы...

— Екатеринодар! — отчетливо крикнул под окном кондуктор.

— Екатеринодар! Екатеринодар! — подхватили другие голоса.

Вагон опустел. И опять наполнился новым людом. Я стою у окна, наблюдаю беготню по перрону... Вдруг чья-то рука опустилась мне на голову. Повернулся.глянул вверх — доброе, палкое лицо якогось дїда...

— Куда едешь, мальш?

— В Новороссийск!

— Сам?

— Сам.

— Бач, який... ну, да — козак!..

А пальцы дїда ласкают мою светло-серую, распахнутую черкеску, „прюнелевый“ бешмет. Задержались на двух серебряных „крылышках“ на воротнике бешмета...

Я чувствую, что это якийсь такой свій, такой свій дїд... ну, как и мой! Даже больше. Ибо мой дед всегда сердитый. Все ему не так, все не то, что было

прежде... И — все дрянь. А этот — тихий, ласковый. И говорит потихоньку...

Поезд тронулся. Пробежал через мост. Публика угомонилась, расселась. Дїд смотрит со мной в окно.

— В школу ходишь?

— Окончил 2-х кл. училище... а буду-ли учиться еще где — не знаю...

— А знаешь ли ты Щербину?..

— Щербину? — подумал я, — какого Щербину?.. И вдруг, вспомнив, радостно вышалил:

— Знаю!.. Когда я во 2 отделении был, он уже был в пятом!..

Дїд добродушно рассмеялся.

— Ну — вряд ли ты тогда был во 2 отделении...

Мне стало ясно, что дїд спрашивает на какого-то другого Щербину. Чистосердечно признался, что другого не знаю.

— А меня? — улыбаясь спросил дїд.

— А разве и Вы Щербина?..

До самого Новороссийска Федор Андреевич просто и занимательно рассказывал мне историю каждого места, на которое смотрела мы из вагона. Передо мною одна за другой проходили романтические картины и сцены из борьбы черноморцев с черкесами...

Многое за те 2-3 часа успел мне рассказать ласковый, тихий дедушка Федор Андреевич. Многие, что мне было непонятно в рассказах моего дїда, стало близким, доступным моему детскому уму. С благоговением слушал я Дедушку... Жаль было лишь, что ни перед кем из своих приятелей не могу похвастаться, что со мною разговаривал сам Ф. А. Щербина!.. А я бы им уж сумел рассказать, кто такой этот „наш Щербина“!..

Конечно, я признался Федору Андреевичу, что хочу поступить на пароход Добровольного Флота, и он обещал мне помочь в этом...

В Новороссийске я остановился у одного „часовых дел мастера“, бывшего нашего квартиранта в станице. Собственно, в часах он понимал столько-же сколько и я. В действительности это был „агитатор“, делегированный на С. Кавказ, не помню уж каким, асеронским центральным комитетом.

„Щирый Українець“, как он сам себя называл, Игнат Матвеевич всю свою „пропаганду“ разводил исключительно между иногородними. С казаками же о земельской политике и не заикался.

— Мій тозар не для козаків, — говаривал он, ковыряясь в старых часах, — вони сами знають що то є воля, а землю мають...

Игнат Матвеевич принял меня, как родного. Конечно, я ему сейчас же сообщил, за чем приехал в Н. и конечно, не преминул похвастаться, что меня обещал устроить на пароход Ф. А. Щербина.